

УДК 811.161.1'37

**СУБСТАНТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ СМЕРТИ СО
ЗНАЧЕНИЕМ ЧУВСТВА, ОЩУЩЕНИЯ, ОТНОШЕНИЯ
В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Папейко А. А.

кандидат филологических наук, доцент

Учреждение образования «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова», г. Могилёв,

Республика Беларусь

e-mail: anatoly_papeiko@mail.ru

Аннотация: В статье описываются частотные и семантические особенности субстантивных метафор смерти со значением чувства, ощущения, отношения, отмеченные на материале более 16 тысяч текстов с общим объёмом около 2,2 миллионов словоупотреблений. Делаются выводы о возможности использования названной группы

метафор в качестве средства выявления специфики поэтического дискурса, о смещении и диаметральной перемене положительного и отрицательного полюсов коннотации.

Ключевые слова: концепт, метафора, дискурс, коннотация, русская поэзия

SUBSTANTIVE METAPHORS OF DEATH WITH THE MEANING OF FEELINGS, SENSATIONS, RELATIONSHIPS IN RUSSIAN POETIC DISCOURSE XX – EARLY XXI CENTURIES

Papeiko A. A.

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Educational institution "Mogilev State University named after
A. A. Kuleshov", Mogilev, Republic of Belarus*

Abstract: *The article describes the frequency and semantic features of substantive metaphors of death with the meaning of feelings, sensations, relationships, noted on the material of more than 16 thousand texts with a total volume of about 2.2 million word usages. Conclusions are drawn about the possibility of using this group of metaphors as a means of identifying the specifics of poetic discourse, about the displacement and diametric change of the positive and negative poles of connotation.*

Keywords: *concept, metaphor, discourse, connotation, Russian poetry*

Одним из ключевых фрагментов русской языковой картины мира является концепт *смерть*. В силу своей неоспоримой важности для человека [1; 2], данный концепт становится частым объектом лингвистического изучения, проводимого на монолингвальном [3] или полилингвальном [4] материале. В рамках исследования ключевых концептов русского поэтического дискурса мы ранее останавливались на частотном аспекте использования одноимённого лексического репрезентанта как члена бинарной оппозиции «жизнь – смерть» [5]. Ниже мы рассмотрим специфику образного отражения *смерти* посредством субстантивных метафор со значением чувства, ощущения, отношения.

Наше исследование проводилось на материале поэтического творчества 31 автора в рамках трех хронологически равноценных периодов русской поэзии XX – начала XXI веков: 1) 1901–1940 гг.; 2) 1941–1980 гг.; 3) 1981–2022 гг. Общее количество принятых во внимание текстов составило 16 241 с общим объемом словоупотреблений 2 226 780.

В итоге сплошной выборки мы зафиксировали 1 853 случая употребления лексического репрезентанта *смерть*, при этом было отмечено 23 примера субстантивной метафоризации *смерти* посредством 16 разных вторичных номинантов со значением чувства, ощущения, отношения. Отразим данные о примерах метафор указанной семантики в Таблице 1 (числа в скобках обозначают: в графе «Вторичный номинант» – суммарное количество употреблений данной лексики в рамках всех периодов; в графах периодов после ФИО – количество употреблений тем или иным автором в рамках периода, если значение больше 1).

Таблица 1
Субстантивные метафоры смерти со значением чувства, ощущения, отношения

Вторичный номинант	I период (1901–1940)	II период (1941–1980)	III период (1981–2022)
Благодать	Цветаева М. И.		
Блаженство (2)	Брюсов В. Я. Цветаева М. И.		
Болезнь		Седакова	
Гнёт			Кекова
Любовь (3)	Цветаева М. И.		Кекова (2)
Несправедливость		Евтушенко	
Одиночество			Рождественский
Отрада	Бунин И. А.		
Покой (2)	Блок А. А. Есенин С. А.		
Помеха			Иргеньев
Пустяк			Визбор
Смех			Шварц
Страх (3)	Бунин И. А. (2)	Бродский	
Торжество (2)	Ахматова А. А.	Ахматова	
Траур	Маяковский В. В.		
Ужас	Брюсов В. Я.		
Итого примеров:	12	4	7

Распределение субстантивных метафор указанной семантики по периодам и идиостилям оказывается неравномерным: более половины всех зафиксированных случаев приходится на первый период (12 из 23, т. е. 52 %), причем субстантивные метафоры группы «чувство, ощущение, отношение» встречаются у 7 из 10 рассмотренных авторов (70 % от их общего числа в этом периоде). Затем в порядке снижения частотности названная группа метафор встречается на третьем этапе (около 30 % в рамках изучаемой семантической группы, 28% авторов периода). Наконец, наименее представленной группа субстантивных метафор указанной семантики оказывается в рамках второго периода (около 18 % от общего числа примеров, 25 % от количества авторов периода). Индекс повторяемости вторичных номинантов, т. е. соотношение общего числа примеров и числа разных слов, для группы «чувство, ощущение, отношение» составляет $23 : 16 = 1,44$, что несколько выше показателя по субстантивным метафорам *смерти* в целом ($380 : 282 = 1,35$).

Самой заметной чертой метафорического отражения *смерти* в поэтическом дискурсе является смещение и даже диаметрально противоположная перемена «положительного» и «отрицательного» полюсов коннотации. Разделив зафиксированные примеры по коннотативной окрашенности на «+» (положительное, благоприятное, желательное) и «-» (негативное, разрушительное, нежелательное) с точки зрения общезыковой семантики, мы получим следующие две группы метафор:

«семантика '+': *благодать, блаженство* (2), *любовь* (3), *отрада, покой* (2), *пустяк, смех, торжество* (2);

«семантика '-': *болезнь, гнёт, несправедливость, одиночество, помеха, страх* (3), *траур, ужас*.

Подсчёт показывает, что группа положительного восприятия *смерти* в поэтическом дискурсе оказывается более представительной, чем группа восприятия отрицательного: так, вторичные номинанты первой группы дают в сумме 13 случаев против 10 для второй (в процентах это выражается как 57 % и 43 %). Интересно, что в случае «семантики '+'» заметен акцент на внутреннем состоянии субъекта, вызванном его собственным отношением к *смерти*, стремлением к покою как избавлению от жизненных тягот, например: *Звуки ясно пели о блаженстве смерти, / О стране, где сумрак, тайна и покой.* (Брюсов) *Отрада*

смерти страждущим дана. / Вы побелели, странники, от пыли, / Среди врагов, в чужих краях вы были. (Бунин) В то же время в случае «семантики ‘-’» причиной негативных ощущений выступает *смерть* как субъект активных (реальных или ожидаемых) действий, направленных на человека и вызывающих определённое состояние: *...смерть есть звук, который означал / бездушный гнёт вещественных начал, / уже преодоленных благодатью.* (Кекова) *...Пройдёт одиночество это, наступит другое, / Наступит пора и закружатся листья из меди. / В окошко моё постучит одиночество смерти...* (Рождественский)

В заключение сформулируем основные выводы.

1. Субстантивные метафоры *смерти* со значением чувства, ощущения, отношения могут быть использованы в качестве средства выявления специфики поэтического дискурса, в том числе и в сопоставлении с общезыковой семантикой одноимённых лексем.

2. Поэтический дискурс демонстрирует смещение и даже диаметрально противоположные полюсы коннотации лексических единиц.

Список литературы

1. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. СЛЯ. 1993. №1. С. 4–6.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд-е. 2-е, испр. и доп. М. : Академический проект, 2001. 590 с.
3. Колкова Н.А. Концепт *смерть* в пословичных текстах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. №11. С. 8–15.
4. Новисова В. А. Концепт «смерть» в языковой картине мира русских и французов (на примере паремических конструкций) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сборник статей VII Международной научной конференции молодых ученых (9 февраля 2018 г.) : в 2-х ч. Ч. 1 : Современные лингвистические исследования. – Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2018. С. 29–35.
5. Папейко А. А. Лексическая реализация концептов *жизнь* и *смерть* в творчестве поэтов Серебряного века: частотная характеристика // Веснік МДУ імя А.А.Куляшова. Серія А. Гуманітарна наука (історія, філософія, філологія). 2023, №1 (61). С. 95–99.